

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

выпуск
28 (91)

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
ДРЕВНЕГО
И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО
ВРЕМЕНИ

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1986

мого этой сложной филологической проблеме. Книга не представляет собою итога частных разысканий автора, это опыт обобщения уже имеющихся в науке результатов, но опыт далеко не полный. Можно ожидать, что появление рецензируемой работы — несмотря на указанную неполноту или, напротив, благодаря ей — стимулирует дальнейшие исследования и обзоры в этой области славянской культуры и письменности.

А. А. Алексеев.

Житие и мученичество святого мученика Костанти грузина, который был замучен царем вавилонян Джафаром. Перевод с древнегрузинского, исследование и комментарий Н. З. Вачнадзе и К. К. Кудия. Тбилиси, 1978. 136 с.

Агиографические сочинения уже давно оценены исследователями как незаменимый материал, дающий яркие и конкретные факты истории, не освещенные другими источниками. У грузинских специалистов, литературоведов и историков, начиная с К. С. Кекелидзе, накоплен значительный опыт по изданию и интерпретации житийных памятников раннесредневековой литературы. Недавно одним из авторов рецензируемой книги — Н. З. Вачнадзе — была издана монография «Житие Серапиона Зарзмели как исторический источник», основное содержание которой составляет анализ политической и социальной истории Самцхе, области Грузии, малоизвестной по другим источникам.

Рецензируемая книга содержит надежный критический текст «Жития Костанти грузина», основанный на всех восьми сохранившихся рукописях (был издан впервые сотрудниками Института рукописей им. акад. К. С. Кекелидзе АН Грузинской ССР в 1964 г.), перевод его на русский язык, краткий очерк истории памятника и его анализ, включающий характеристику рукописей, а также историко-филологический комментарий и указатели.

«Житие Костанти грузина» — памятник анонимного автора IX в. Это было время, когда продолжительное господство арабов в Закавказье стало ослабевать под ударами народно-освободительных выступлений, и, желая удержать свои позиции в этом районе, халифы подвергли его население жестоким репрессиям. В середине IX в. халиф ал-Мутаваккил организовал карательную экспедицию под руководством военачальника Буга. О событиях, связанных с этой экспедицией, и повествует «Житие Костанти грузина».

Полное название этого памятника «Житие и мученичество святого мученика Костанти грузина, который был замучен царем вавилонян Джафаром». Типологически это скорее мученичество, чем житие. Здесь нет мотива рождения в богатой и знатной семье вымоленного у бога ребенка; нет описания детства героя, когда он, пренебрегая детскими играми, предается учению; нет и отказа от имущества и состояния. Все эти и другие моменты были бы обязательны в традиционных житиях византийского типа. И, напротив, в грузинском сочинении имеются те основные элементы, которые составляли каноническую схему агиографов-мученичеств: предъявляемые христианину требования отказаться от своих убеждений, его несогласие с этим, арест, допрос, истязание и смерть усечением головы. Называя свое сочинение житием и мученичеством одновременно, автор уже в самом названии отразил характерные черты того исторического периода, о котором он повествовал.

Если византийские мученичествы возникали в процессе становления христианства и служили утверждению превосходства христианских идей над языческими представлениями, а жития начали появляться позднее, когда христианство прочно заняло свои позиции и образ мученика за идею сменился образом подвижника, то «Житие Костанти грузина» объединяет в себе черты того и другого. С одной стороны, герой его был подвижник, украшенный «деяниями с обеих сторон, как дерево листьями и плодами», а с другой — он в глубокой старости, «когда началось великое гонение на христиан во всей стране Картли», явил миру чудеса мученичества и отваги.

Дело здесь в том, что создание автором такого сочинения смешанного типа не носило характера искусственного построения, а было отражением истори-

ческой действительности со всеми ее противоречиями. Идеи христианства давно уже сложились в определенную систему, и необходимость отстаивать их в борьбе с язычеством ушла в прошлое, однако противостояние христианства исламу вновь возродило жанр мученичества за веру. Однако идейная направленность этого сочинения не может быть ограничена только конфессиональными разногласиями. Мученик за веру в грузинском агиографе — это в первую очередь борец за свободу и независимость. Особенностью разбираемого текста является то, что его героем стала личность не только историческая (что авторы исследования подтверждают различными данными — надписью храма в Аteni, сообщением армянского летописца Товмы Арцруни), но и один из представителей грузинской аристократии, возглавивший антиарабское выступление в одной из областей Грузии — Картли. Перед автором агиографического повествования стояла трудная задача — наложить уже сформировавшийся в рамках литератур восточнохристианского культурного круга агиографический канон на биографию реально существовавшего исторического деятеля, политической программой которого была борьба с арабским халифатом в тесном единстве с его главным политическим соперником — Византией. Из введения и комментария к переводу становится ясным не только время написания памятника — 853—856 гг., но и то, что автором его был грузинский писатель, выражавший интересы своего времени и своего общества. Это первое грузинское сочинение, в котором выразилась идея политического объединения Грузии перед лицом внешней опасности. В «Житии Костанти грузина» нашли отражение как различные стороны жизни грузинского общества, так и отдельные моменты внутренней и внешней политики Византийской империи, взаимоотношений Византии и Грузии, Византии и арабского халифата. «Житие Костанти» — важный источник, повествующий о событиях истории в форме яркого, живого рассказа, как это свойственно агиографии. Вместе с тем это и вполне достоверный источник, в чем можно было убедиться на основе применения метода внутренней критики текста, когда сведения одного сочинения адекватно подтверждаются другими. О походе Буга в Грузию, Армению и Азербайджан сообщают не только «Житие Костанти грузина», но и «Летопись Грузии», и армянские историки Драсханакертци и Арцруни, и «Китāб ахбār аррусул ва-л-мулук» ат-Табари. Об этом походе сообщает, наконец, надпись Атенского Сиони, в которой наряду с хорошо известными историческими лицами упоминается под именем Каха и Костанти грузин. Именно надпись более всего придает агиографу черты реальности (в силу специфики эпиграфического материала) и возводит его в степень исторического источника. Не случайно этот памятник неоднократно привлекал к себе внимание ученых-грузиноведов.

Особую ценность для русского читателя и для широкого круга специалистов по истории раннесредневековых литератур представляет перевод памятника на русский язык. В нем удачно воплощен принцип максимально точной передачи текста не только с точки зрения лексики, но и стилистики посредством использования архаических оборотов и выражений. Отдельные неточности в словоупотреблении и стилистические шероховатости в переводе, а также избыточная скрупулезность при составлении указателя географических названий могут быть легко устранены при повторном издании.

В заключение можно отметить, что книга издана с большим вкусом и удачно иллюстрирована.

Е. Н. Мещерская, А. В. Пайкова.

М. К. Трофимова. *Историко-философские вопросы гностицизма.* (Наг-Хаммади, II, сочинения 2, 3, 6, 7). М., 1979, 216 с.

М. К. Трофимова уже не первый раз обращается к данной теме,¹ итогом ее многолетних занятий коптскими текстами из Наг-Хаммади и явилась эта работа.

Уникальные находки большой религиозной библиотеки на коптском языке,

¹ См.: Трофимова М. К. 1) Из истории идеологии II века н. э. — ВДН, 1962, № 4, с. 67—90; 2) Гностицизм: пути и возможности изучения. — Палест. сборник, 1978, вып. 26 (89), с. 107—123.